

АЛЕКСЕЙ РОДЛЕР

 ЕНИЦА

 КА

АЛЕКСЕЙ

ОРОЛЕВ

ВЕНИЩА

КА

СТИХИ

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1980

Алексей Королев родился в 1944 году в Подмосковье. Закончил Московский физико-технический институт, несколько полевых сезонов работал в экспедициях. «Зеница ока» — первая книга стихов А. Королева. Мир его поэзии органично вмещает в себя и живые подробности сегодняшнего бытия, и культурные ценности, созданные поколениями. Лирике Королева свойственна напряженность нравственных исканий; многие стихотворения книги раскрывают драматизм любви.

Художник
ЕВГЕНИЙ КОЛЫЧЕВ

I

* * *

И
лашмя на каменной плите
в сгущающейся темноте,
прижавшись к каменной стене
прислушиваюсь к тишине.

И, если не кривить душой,
я ровно ничего не слышу,
забившись в каменную нишу.
Насилу до нее дошел.

И засыпаю, положив
под голову тот самый камень,
который голыми руками
на гору вкатывал Сизиф.

МАРШРУТ

I
А когда взошли — упали ниц.
Отдыхались.
Тур сложили еле.
Толком осмотреться не успели —
надо было торопиться вниз.
Помню только белый-белый наст

...Что бы там потом ни говорили,
но не мы вершину покорили,
а она помиловала нас.

II

О том, как лезли напролом,
а горы били нам челом
и в пересохший рот
нам астероиды — дождем,
я расскажу потом, потом,
когда придет черед.

Ведь я еще не написал
о том, как на тропу упал,
о том, как встать не смог...
Еще я не изобразил
того, кто из последних сил
меня с горы волок.

* * *

переломанною ключицей
в расставание укачу,
потому что не по плечу
мне с любимою разлучиться.

Разворачивай, поворот,
череду загадочных буден...
Этот жребий не так уж труден,
если оторопь не берет.

Что бы ни было — то ли будет!
Не загадывай наперед, —
кто по осени нас сочтет,
тот по совести нас рассудит.

А не сбудутся наши сны,
значит, сами тому виною, —
все ж не каменной стеною,
а простором обнесены.

* * *

меркается. Не разобрать:
быть может, вяз,
быть может, яшень...
Уйдешь отсюда восвояси,
а он останется стоять.

Какие песни здесь ни пой,
какие замыслы ни пестуй,—
они некстати и не к месту
в шершавой тишине лесной.

И вездесущая листва,
витающая в поднебесье,
не помнит нашего родства...
Уйдешь отсюда, нос повеса,—
бог весть, откуда столько спеси
у мыслящего существа.

ШУРФ

То кайлом щебенку крушу,
то ломаю дресву лопатой,
я с породой запанибрата,
даже если едва дышу.

И работа ко мне добра,
вынуждает не ждать поблажек —
от поверхности до ядра
путь,

как правило,
крут и тяжек,
даже если долбишь овражек —
половина на полтора.

|||
|
|

еузнаваемо дика
трава от мала до велика,—
почти не различаю лика
земли. Не знаю языка
ручья:
бросается, журча,
ко мне вприпрыжку: вот удача! —
и улепетывает плача,
он обознался сгоряча.
Распугиваю мелюзгу,—
да я и сам живу на птичьих
правах, а посему настичь их
и образумить не могу.
А сосны смотрят свысока,
и кажется, еще минута —
и лопнет ствол,
и крона
круто
крутами взмлет в облака.
И пристальное забытье
минуты этой на исходе
хранит причастного к природе
от безучастности ее.

ВЕЧЕР

Н. Я.

Росами кусты убелены.
За макушку сопки солнце село.
Шорохи и хрусты то и дело
бороздят глубины тишины.

И ручей как кружево волну
за волной плетя у поворота,
пылко растолковывает что-то
обтекаемому валуну.

Над ручьем склонившаяся ель
вечера скончания не чаёт —
лапами
тяжелыми
качает
музыки пустую колыбель.

Баргузина шустрая родня,
колобродя на еловых лапах,
невзначай распахивает запах
дыма на развалинах огня.

И приходится не по нутру,
но наваливается на плечи
то, о чем не может быть и речи
в эту пору во сыром бору.

ПРИГОРОД

З а тридцать девять трамвайных остановок
премьеры театральных постановок
и суতোлка около дверей
музеев и картинных галерей.
А пригород нетороплив и зорек —
земное солнце село за пригорок
и выгорели травы добела;
у изгороди старая ветла
полощет узловатыми ветвями...
Заря над огородами и рвами,
проселочной дороги полоса,
и смуглые жилые корпуса,
пасущиеся около обочин,
и прочее — мне голову морочит,
глаза мозолит, слова не дает
сказать о той, которая когда-то
жила неподалеку от заката
и, может статься, до сих пор живет.

* * *

В сердце трепет, в горле клекот,
на губах запекся звук.
Буквы валяются из рук,
руки в музыке по локоть.

И лепечешь, и бормочешь,
и уже не разберешь,
то ли за сердце берешь,
то ли голову морочишь.

Ты где, любимая, была,
когда на дне Кедровой пади
рехнулся ветер на ночь глядя
и дятел выпал из дупла.

И кроны, словно купола,
в кромешной тьме бесовской ступы
расколотые, как скорлупы,
летели из-под помела.

Пурга метала и рвала,
покуда ты все наши ссоры
и распри не перебрала,—

и я не мог найти опоры,
пока не опустила шторы,
уже не памятуя зла.

А я-то думал: ты да я,
версты четыре до жилья
ближайшего, — чего же лучше!
А между тем сгущались тучи.

А я надеялся — вот-вот
ты скажешь: ветренная Геба...
И как по маслу все пойдет,
а ты воды набрала в рот,
дрожа от холода и гнева,
и вышло все наоборот.

А после этого поди
попробуй, памяти внимая,
любить грозу в начале мая
степи бескрайней посреди.

РАЗЛУКА

лишком слышно молчу.
Толчая на перроне.
Ворона на вокзальных часах.
Ненаглядные окна вагона.
И слепая улыбка,
увязшая в глине лица.
И уйти восвояси
за десять минут до конца.
И плестись по пустым мостовым
до соседней заставы,—
словно душу отшибло
и переломало суставы.
И бежать, задыхаясь, назад,
под незыблемый свод,
где гудок тепловоза
как плеть на плечо упадет.

. . . . .
И снова привокзальные пути,
и толчая на берегу перрона,
и тополя взъерошенная крона,
в дыму неразличимая почти.
А что сказать, и как теперь вести
себя при встрече с женщиною тою,
которой тем не менее не стою?..
По крайней мере вещи поднести.

* * *

Останет день — и времени не станет,
и облако как камень в воду канет,
и возгласы взъерошенных дерев
останутся на свете без призора,
в глазницах воедино затвердев,
и изморозью звездного узора
покроется последняя ступень
моей стези...

О С Е Н Ь

I

Две недели шли дожди,
две недели моросили
в перелеске посреди
средней полосы России.

Лили как из решета,
моросили как из сита...
Поздней осени тщета
на живую нитку шита.

Все дороги развезло,
как нарочно, спозаранку.
Все проселки, как назло,
вывернуло наизнанку.

Для отвода праздных глаз
в непролазной поднебесной
и земной грязи увяз
лучезарный ствол древесный.

Зрелости на рубеже
сетовать на бездорожье
не приходится уже
и досадовать негоже.

Ковыляю мимо вех,
думая себе в утеху:
— Мне не к спеху, как на грех...
Слава богу, мне не к спеху.

За падением листа
я слежу с такой тоскою,
словно совесть нечиста,
и сума моя пуста,
и беспаятство клюкою
мне грозит из-за куста.

Захолустные места.
Поздней осени истома.
Поступь спелого листа
весела и невесома.

Вся из ясписа и мха
даль как озеро тиха.
Ненароком рухнет вежа —
и на хорах, где верха
сосен в сизые меха
кутаются, вспыхнет эхо.

Ни спросонья, ни во сне
мне доселе и не снилась
эта прелесть, эта сырость,
эта плесень на сосне.

* * *

Любую строчку мы, как правило,
не раз исправим и испортим,
а время пишет сразу набело,
и жить приходится экспромтом.

Но уродились не убогими
и, не кривя карандашами,
своими топаем дорогами,
своими хлопаем ушами.

Небеса пространны, помыслы просты,
и растут неприхотливые кусты,
и течет обыкновенная река,
словно ялики качая облака.
А на противоположном берегу
вижу мельницы корявую дугу
и тропинку, убегающую прочь...
А навстречу — чем не мельникова дочь.

Помедли, погоди, не расточай
очарованье встречи невзначай.
Ведь если эта встреча только случай —
от чуда он почти неотличим:
слепое сочетание причин,
счастливое стечение созвучий.

Очарованье встречи невзначай
помедли, погоди, не расточай —
с беснующейся памятью моею
не оставляй меня наедине,
хотя бы только потому, что мне
в конце концов удастся сладить с нею.

ЗИМА

Как наваждение плыла,
как изваяние стояла...
Какая блажь тебя ваяла?
Какая магия плела?

Какая мгла заволокла
твои глаза? какая нега?..
Как много воздуха и снега,
как мало блага и тепла.

|| оживаясь от озноба,
по полю зрения сную,
следы глубокие сую
в утробу снежного сугроба.

Ступаю — и на том стою,
что сам творю судьбу свою.
Но дело двигается туго,
пока сную по кромке круга,
пока ступаю в колею

и, обеспамятев во тьме
черновиков и проволочек,
держу, как жалобу, в уме
об осени двенадцать строчек
и восемь строчек о зиме.

ЦИТАТА

Б. А. Слуцкому

Из кучи книг заначу глядя на ночь
и перечту в отчаянном часу,
чтоб зарубить покрепче на носу:
— Поэты,— заключил Борис Абрамыч,—
ничем не отличаются от прочих
людей, лишь речи проще и короче их.

II В ШЕСТОМ ЧАСУ УТРА

Малый сонетный свод

I

Р азбиты в кровь ступни
о кремни, кварцы, шпаты,
о памятные даты
и считанные дни.

Из этой западни
по имени — пенаты
родимые — куда ты?
постой! повремени.

Впивается дорога
во тьму... Давай немного
с тобою постоим
у твердого порога
(помедли, ради бога!),
глотаю горький дым.

Пока не истекло
случайного ночлега
последнее тепло
и тычутся светло
и слепо хлопья снега
в оконное стекло,—

пора и о душе
подумать, если это
душа, а не клише
из Ветхого завета;

подумать наобум
впотьмах и втихомолку,
хотя от этих дум
не так уж много толку...

Неожиданно, не спится...
Поет в шестом часу
утра шальная птица
в заснеженном лесу.

Пичуга, кроха, птаха,
в своем ли ты уме! —
пернатой капле праха
от холода и страха
защиты нет во тьме.

А ты к звезде воздела
крыло, звезду задела,
звезда упала за
грядку водораздела,
как со щеки слеза.

Такие крепи трели
в пустынном голоске,
пульсирующем еле
заметно на виске
рассвета, что в тоске
мы глаз поднять не смели.

И так она запнулась,
что кажется — она
на истину наткнулась,
а истина нежна —
кому она нужна,
когда прикосновеньем,
печальным птичьим пеньем
она искажена.

Во тьму звезда упала...
Минуло столько лет,
что нам и горя мало,—
куда ни сунься, свет,
а тьмы как не бывало.

Кому охота ныне
карабкаться туда,
где сгинуть без следа
пути на половине —
невелика беда.

Но правила игры,
в которой до поры
не чаяли души мы,
смешны и нерушимы.

А авай начнем с азов,
с рождественских морозов,
с того, что запад розов,
а север бирюзов,

и образы с возов
ронявшие обозы
ползут по гребню прозы
поэзии на зов.

Потом под отчий кров
вернемся мимо сотен
ворот и подворотен
и увидем в львиный ров
 пленительных полотен
старинных мастеров.

||| откуда ищем суть
во всем происходящем, —
час не ровен, обрящем
еще чего-нибудь.

Покуда держим путь
по горло в настоящем,
о будущем, о вящем
и думать позабудь.

Но, сдерживая прыть
рассудка — бог рассудит! —
мне только бы побыть
с тобой, и будь что будет,
«to be or not to be» —
но ты меня люби.

И високосный минет
немилостивый год,—
на убыль боль пойдет,
уныние покинет
и память на мякине
надежду проведет.

И все начнется снова
с просодии простой,
которая основа,
а слово — звук пустой.

И нет от этой доли
спасения тому,
кто ищет ветра в поле
и теплит свет в дому.

меркается. Светает.
Ступает память вспять.
Снег падает, и тает,
и падает опять.

Пространство проступает,
встает во весь проем
оконный — утопает
в сугробах окоем.

Смеркается. Светает.
Спасибо и на том,
что день идет за днем
и снег в окне моем
в оставшемся шестом
часу утра витает.

Не спать, а просыпаться постепенно,
как будто поднимаясь по ступеням
на старую пустую колокольню,
с которой сняли все колокола
за много лет до моего рожденья.

Не сетовать, а медленно ступать
по каменным ступеням полустертым,
под сомкнутыми сводами сознанья
дыхание едва переводя
и чувствуя, что время на исходе,
что за полночь давно перевалило
и проступили матовые пятна
рассвета на поверхности окна,
а в комнате еще темнее стало...
Но вот сквозняк перевернул страницу
упавшей на пол книги об искусстве,
и появились контуры предметов —
стола и стула около стола.

Елена за оконной рамой,
заколочена дверь скобой...
Прежде чем мы пойдём с тобой
с немудреной семейной драмой
за спиною куда незнамо,
как калики с пустой сумой,—
попытаемся, ангел мой,
докопаться до сути самой.

Потолкуем о том о сем,
побеседуем обо всем,
от чего ни следа, ни звука
не оставим и не спасем;
перемелется — будет мука,
мы едва ли её снесем.

и откуда родом,
этот лад и строй,
под небесным сводом
на земле сырой?

Маловероятен,
еле различим
в толчее понятий,
смуте величин.

В сутолоке этой
то ли звук отпетый,
то ли беглый блик
нас на ставке очной
со звездой полночной
тянет за язык.

Н а улице метель мела
и падал снег куда попало,
а ты плечами повела —
мол, дела нет и горя мало! —
и выпорхнула из подвала,
как зимородок из дупла.

Потом озябла и взяла
взаймы у аэровокзала
толику малую тепла,
а миг спустя опять пропала
из поля зрения стекла,
бетона, камня и металла, —
поземка языком слизала,
на нет метелица свела.

Когда слова пойдут на лад,
когда не станет с ними слада,
когда тонических рулад
набьет оскомину услада,—

тогда ни слова не писать,
баклуши бить и душу тешить,
и кол на голове тесать,
и все же головы не вешать,

и все-таки иметь в виду,
что не останешься внакладе,
поскольку это на роду
написано, а не в тетради.

ледовать завету
ветра и воды,
следовать рассвету
и не знать беды

до пересечения
века и строки —
темного течения
медленной реки...

Следовать закату,
следовать всему,
что сулит утрату,
посох и суму,

и посмертной славы
слушать шепоток
возле переправы
через тот поток.

|| а меня не сетуй
и себя не мучай,
солнечных созвучий
и в помине нету.

А душа алкала
до седьмого пота
птичьего полета,
полного накала.

И в обетованной
тьме полуподвала
над открытой раной
памяти витала...

Милая, доколе
нам искать спасенья
от сердечной боли
в песенке осенней?

Музыка лукава,
милая двулика,
и темна оправа
солнечного блика.

облака пришли в упадок,
пали на лоток.
Словно сок плодовый, сладок
облака глоток.
Путь неясен. Век недолог.
Не попомни зла...
Низок слог, и жалок сколок
сизого крыла.
А на том пути коротком
глина и смола,
облака над околотком,
да колокола
умолкают на минуту
и опять гудят,
снова сеют в сердце смуту,
память бередят.
Вот и все, что нам осталось
в круге бытия...
Что же это с нами случилось,
милая моя?
К небу головы закинем:
нету ничего,
кроме черного на синем —
тучи кучевой.
Да и та пришла в упадок,
пала на лоток.
Словно сок плодовый, сладок
облака глоток.

Как мысли о юдоли и уделе,
росли и гасли птичьи голоса,
сады и скверы, парки и леса
в беспамятстве стенали и скудели,
и облака из пакли и кудели
текли за полосою полоса...
Ненастные слипались небеса.
Как лебеди летели дни недели.

А осень уронила на порог
багряный плащ и ясеневый посох,
как только ветер вымок и продрог
в кустах, растущих около дорог,
от изморози и росы белесых,—
и ствол сосны согнул в бараний рог.

В сумрачной пучине речи
связаны одной уздой
быль и небыль, чет и нечет,
тучный червь и хищный кречет,
Волопас и козодой.

Неразлучны гребни круч,
час ночной, скрипичный ключ,
волчий вой и щебет птичий.
Точно бич из кожи бычьей,
свищет падающий луч.

Так растут в лесу сосновом
между глазом и звездой,
между голосом и словом
белена с болиголовом,
бузиной и лебедой.

Даром времени не трать,
сотвори себе тетрадь,
чтобы гнуть над нею спину —
сердца розовую глину
в заскорузлых пальцах мять.

Когда-нибудь придет и твой черед
меня судить. О сваю разобьет
веселую волну голосовую,
и дело примет скверный оборот,
и пена хлынет задом наперед
куда попало и напропалую,
и выберу я ту или иную
метафору, а кары не миную.

И кто бы мог подумать!.. Панорама
минувшего в расцвете и красе,
как ветром груды рухляди и хлама,
разметана по смутной полосе,
где стоит лопнуть спице в колесе
фортуны и — готово дело! — драма
проста как репа пареная... Все
подробности тебе расскажет мама.

Придет и твой черед когда-нибудь
меня судить. Повремени чуть-чуть.
Ведь в этом радости совсем немного.
Расти большая, умницею будь,
но все-таки суди не слишком строго,

когда придет черед... Ну что ты, что ты?
Тебе уже давно пора в кровать...

Избави бог сводить пустые счета
с беспамятством, углы и повороты
избитого сюжета обживать,
стремиться прочь, проваливаться вспять..
Ты помнишь дом, где нет нежней заботы,
чем перед сном тебя поцеловать?

Повремени заглядывать в провал,
о будущем задумываться нашем,
но, что бы ангел там ни малевал,
не страшен черт, пока не кончен бал,
и, может статься, мы еще попляшем.

КАНУН

В ушко игольное пролез,
пока народный
судья возделывал процесс
бракоразводный,
а та, чье дело — сторона,
смотрела косо,
не зная, что ответить на
два-три вопроса.

И то сказать: чем дальше в лес,
тем безысходней...
Подать рукою до небес
из преисподней,
но не развернется зенит,
и по старинке
труба архангела звенит
под стать сурдинке.

Под занавес такая грусть,
что хоть с откоса!
Не надо трусить... ну и пусть...
не вешай носа...
Но замкнута, как скорлупа,
ее обида,
а память женская слепа,
как Немезида.

Кому беду мою повею?
Законов свод нем.
Осталась тема между тем
в одном исподнем,
осталась тема на бобах
сухих и полых,
как потерпевший полный крах
последний олух...

Всего скорее каждый вновь
судьбу устроит
(вот разве только про любовь
оставь, не стоит),
и в три погибели согнет
не скоро кара
позарившегося на мед
и брагу дара.

Глаголами по горло сыт —
и горя мало...
Как судорога, сводит стыд
слова финала.
Засим попробуем давай
на этом тихом
углу расстаться... Поминай
хотя бы лихом.

Н е стихает суматоха
суетного естества...
Слава богу, дело плохо,
на исходе время вдоха,
время выдоха — эпоха
зрелости и мастерства.

Время трезвого подхода
к возведению светил
на круги земного свода,
через Лету время брода
от заката до восхода
солнца и потери сил.

Время — на распутье стоя,
кутаясь в полупальто,
все, что следует, усвоя
от распада до устоя, —
думать что-нибудь простое,
но уже не важно что.

Лишь бы, только от избытка
сердца до потери сил
длилась каждая попытка,
только бы не слишком прытко,
как по рытвинам кибитка,
до успения трусил.

КИНЕМАТОГРАФ

Стансы

1

К
одинокчеству не привыкать!
Неприглядна его подоплека —
без раскаянья и упрека
меру времени пересекать,
звуки мыкать и губы смыкать —
слово за слово, око за око,
дабы не было так одиноко.

2

Ветер выроет в кроне нору,
не по росту ли, не по нутру —
бросит эту и роет другую...
Ворошит и ерошит листву
и невидимую наяву
он натягивает тетиву,
неподатливую и тугую...

3

В этом кинотеатре пустом
был я, помнится, классе в шестом, —
он приветит меня и по старой
памяти приютит до поры,
когда ночь проходные дворы
затворяет и мрака опары
проступают сквозь поры коры
то ли кембрия, то ли юры.

Если это действительно шанс
быть в беспамятстве целый сеанс,
в трансе целую кинокартину —
им воспользоваться не премину.
Скоротаю часа полтора...
Ничего не попишешь, пора
мне расхлебывать эту пучину,
выкорчевывать первопричину
одиночества — эту кручину
не по черепу и не по чину,—

5

если по мановенью пера
под личиною благополучья
обнажаются скрепы и крючья,
а душа, как барсучья нора,
несуразна, тесна и сыра,—
там, цепляясь за корни и сучья,
сгинут и не такие созвучья,
прежде чем доведут до добра
и сестру сотворят из ребра.

6

В кинозале тепло и темно.
В самом деле, не все ли равно,
что за зрелище хлещет с экрана!
А не в глаз попадает, так в бровь,
ах, про что же, как не про любовь,—
как не сетуй и не прекословь,
а все прочее бренно и странно.

7

Лицедейства затверженный след,
отороченный речью просвет,
упакованный на пуповине...
Замесили на пене и глине
созерцанья отвар и раствор —
и статисты все как на подбор,
и солисты легки на помине.

8

Ничего не попишешь, изволь
исполнять вожделенную роль
и участвовать в сладостной сваре...
Героиня сегодня в ударе!
Так бывает порой хороша
лишь хлебнувшая лиха душа,
промотавшаяся до гроша,
до последней струны на кифаре.

9

А герой — молоко с киселем,
исполать ему и поделом!
Он у публики ищет прощенья
за огрехи перевоплощенья.
А когда попадает впросак,
то с досады виском о косяк —
хоть кого проведет на мякине! —
тем не менее дело табак,
и желают ему всяких благ
голубые глаза героини.

10

Посудите, да кто он такой,
чтобы тешить заемной тоской
и, смущая душевный покой,
шлифовать назидания грани,
чтобы членораздельную речь,
как факир, из гортани извлечь
на крутом и открытом экране.

11

Общепризнанно присно и ныне,
что смирение паче гордыни,
а гордыня как раз не в чести,—
что-то вроде полена в камине
или кружева на кринолине,
и не выпестовать в мезонине,
и с латыни не перевести.
Нет уж, дудки! ищи дураков
среди отроков, беглых с урока,
коим будет во веки веков
одинаково и одиноко.

12

Я сполна заплатил за билет.
Где тут выход, которого нет?
Где тот ветер на кровлях и кронах
и созревший в проемах оконных
кисло-сладкого света ранет,
чтобы несколько ласковых лет
длился ежевечерний сюжет,
чуть подрагивая на препонах.

13

Этот свет, этот сад, этот плод
видит око, да сердце неймет,
ни умаслить его, ни растрогать.
То ли дело судьбу напролет
смаковать целый день, круглый год,
коли смолоду не попадет
в этот мед одиночества деготь.

14

Между тем просветлела лицом
героиня — и дело с концом,
что отчаиваться раньше срока!
Под уздцы привели огольца,
благоденствуют в поте лица,
досмотрел бы и я до конца,
кабы не было так одиноко.

15

Иго — благо, и бремя легко,
кабы не было так далеко
от сиротства до кровного братства.
Тары-бары — и в тартарары! —
и нельзя выходить из игры,
прежде чем промотаешь дары
одиночества ли, домочадства...

* * *

Про глупости ли, сгоряча ли
вначале чурался удачи
и благополучия паче
отчаяния и печали.

И притча про камень лежачий
звучала не слишком зловеще...
Отныне подобные вещи
я воспринимаю иначе.

Но что бы ни делал в угоду
я благоразумия игу,
в мгновение ока интригу
выводят на чистую воду,
как будто хорошую книгу
читаю в плохую погоду.

* * *

о сверстниками, как на грех,
досада и надсад...
Но я один из них, из тех,
кто тридцать лет назад
по сводкам Совинформбюро
родной язык учил
и тридцать лет спустя добро
творит по мере сил.

III ТРИПТИХ

I

В чужую жизнь встречаю не по праву —
вот и отпрянула, не разобрав,
что я хотел добра, не зная, прав,
не прав ли, суверенную державу
чужой души своим добром поправ.
Тому виною мой несносный нрав.
Я аргументов приведу ораву,
на свору образов найду управу,
до самой сути так и не достав.

И то сказать: затем ли, волю дав им,
я замышлял одну из пылких глав,
чтоб вымысел, спесивой плотью став,
судил меня своим судом неправым?..
Должно быть, с панталыку сбит лукавым,
я над собой совсем утратил власть
в живую душу прототипа шасть
и в эту явь сподобился попасть,
как в монастырь с неизвестным уставом.

Все осязаемое уязвимо,
но я недуги врачевать не тщусь —
куда уж там!.. По крайней мере, мимо
не гоголем, хоть колесом пройдусь
и, чтоб отвлечь ее от черных чувств,

приму участие в любой забаве,
а от напасти бес ее избави —
пускай порадуется к вящей славе
всеведущей истории искусств.

Но как в тенетах, в замкнутой структуре
ее судьбы, в силках ее затей
я попросту потворствую своей
морально неустойчивой натуре, —
весь фокус в риторической фигуре,
суть — в умиротворении страстей,
и все-таки скажите этой дуре,
что я ее люблю!.. скажите ей.

II

Смеркается во впадине оконной,
мгла заволакивает оком,
и до оскомины знакомый дом
за собственно прячется колонной,
покуда, окаянный, толоконный
и забубенный бормоча припев,
жду, окончательно оторопев,
когда она на милость сменит гнев
и станет ласковой и благосклонной...

И угораздило же обнаружить
на недоразуменья рубеже,
что впору поздорову-подобру жить,
но без нее не можно жить уже.
Пускай блажит и голову мне кружит,
я кое-как собой владею днем,
но по ночам — гори они огнем! —

она внутри себя, а я снаружи,
и каждый остается при своем.

А если среди бела дня с работы
я удеру (в который раз подряд —
весьма предосудительный обряд,
но до поры до времени хранят
меня друзей молитвы и заботы),
и мы уедем за город — а то ты
совсем осунулась, — в дремучий сад
настраивать на непутевый лад
пернатые валторны и фаготы, —

то много задолго до первой ноты
оказывается напрасным наш
союз, — не женщина, а персонаж
из повести, где сплошь одни длинноты,
она хватается за карандаш
и что-то там творит, впадая в раж,
а я рассказываю анекдоты
и на траве валяюсь, как муляж.

III

По совести сказать, неумогу
мне соблюдать святую простоту,
глаза тараща на ее эскизы,
и издавать смазливые репризы,
почти не сознавая, что плету.
Согласно кодексу ее капризов,
я осужден — ату его, ату! —
на привкус крови в пересохшем рту
и близости ее слепящий вызов.

А выбраться из этой западни
попробую — и сразу на попятный,—
надежда на исход невероятный
облагораживает искони.

Меня бросает в жар — дурные дни,
того гляди, заткнут любую флейту —
и бьет озноб, хотя по Фаренгейту
сегодня столько градусов в тени,
что хоть ложись и ноги протяни.

Пускай с детьми куличики печет,
пускай в траве с кузнечиком стрекочет
и ровным счетом ничего не хочет
помимо чуда принимать в расчет,—
почем я знаю, что ее влечет
на самое себя вести охоту,
все промахи по собственному счету
оплачивать, но честь ей и почет,
когда добычу видно по полету.

Теперь поговорим о пустяках.
...А что я ей принадлежу всецело,
и что моя судьба в ее руках —
так это сущий вздор! Какое дело
кому до просветленной второпях
души — не то бельма, не то пробела...
Тем более, уже и солнце село.
У электрички два луча в очах.

Л. Б.

Л омаешь голову — с какой
петли начнется пряжа...
Спохватываешься, рукой
махнешь — и третья стража.
Так стоило ли день-деньской
не вылезать из мастерской,
внезапной лаской и тоской
натуру будоража.

И сизнова не ешь, не спишь,
а лепишь и малюешь лишь
до умопомраченья,
не различая сгоряча
удачи лучезарный час
и черный час прозренья.

Н е я ли норовил
тебе воздать сторицей
за несуразный жар,
за безрассудный пыл,
за все, что на моем
веку не повторится...
Уже и день прошел.
Уже и след простыл.

Когда подвел итог —
заплакал, слез не пряча,
как плачут только те,
кто сроду слез не лил:
всего одна беда,
всего одна удача,
всего одна любовь,
и та — по мере сил.

СОНЕТНЫЙ СВОД

I

Чем понапрасну память искушать,
попробуй следовать благим советам.
Кому ты кружишь головы? — Поэтам!
Да им грешить — как ладаном дышать,
как заповедь седьмую нарушать
и даже не подозревать об этом.

Возмездие? — Помилуй, что за вздор!
И Дантовым прикидываясь кругом,
любая ночь была к твоим услугам,
а что ни дом, то постоянный двор.

Ведь если рядом нету ни души,
надежда шита на живую нитку...
Кто втридорога платит за попытку,
вовек не промотает барыши.

А свет гнездится зрения на дне,
а слух пересыхает на закате,
и женщина, подобная цитате
из Книги Царств, терзает душу мне.

И кажется, в картавой глубине
полночного ее косноязычья
творится что-то девичье и птичье,
почти неразличимое извне.

А между тем, когда ее друзья
заваривали брагу бытия,
она одна не потеряла духа,—
хлебнула лиха, словно молока,
бахвалилась — беда невелика...
О господи! ни голоса, ни слуха.

Приходит пигалице, голубице
охота дергать лиру за струну,—
на белый свет глядит сквозь пелену
и огрызается подобно львице.

Нашла себе забаву — ну и ну!
Да мне-то что — играй хоть на цевнице,
я разве только руку протяну,
когда слеза повиснет на реснице.

Я в царствие твое едва ли вниду,
но со щеки твоей слезу сотру
и разве что, как младшую сестру,
не дам тебя и музыке в обиду,
но все-таки не упускай из виду,
что роль Петрарки мне не по нутру.

Вечерние огни росли и гасли,
и улицы бежали на ловца.
Да я и сам как сыр катался в масле
в неясном свете милого лица.

Что там за катавасия? Не нас ли
вполголоса хватились деревца?
Не возвели бы на тебя напраслин
блюстители Бульварного кольца.

Но от заботы о своем престиже
она воротит нос, как атташе
волшебной башни из папье-маше,
и, судя по всему, гораздо ближе
аккредитована к моей душе,
чем нужно бы. Чем все, кто с нею иже.

Когда нас наконец наедине
оставили,— не стало сладу с нею,
и соло на голосовой волне
исполнила длиною с «Одиссею».

— Ну, что же,— говорю.— Весьма. Вполне.—
А слушая, душою хорошою,
как юноша, сворачивая не
на чем другом, а на шедевре шею.

— Наяривай и дальше в том же духе,—
увещаваю мягко и легко,—
и ежели не скиснет молоко,
по крайней мере, передохнут мухи! —
И очередь дойдет до оплеухи,
а там и до греха недалеко.

— | оскольку не с моею слепотой
судить о том, «куда ведут ступени,
поющие, когда нисходят тени
по ясеновой лестнице витой»,
реакция окажется не той,
на что мои наставники — и те не
в своей тарелке в этой мизансцене,
а я запнусь на первой запятой...

— Оставь,— ответит,— не об этом сказ.—
Посетует: — Пускай по крайней мере
не выставляет бельма напоказ,
кто с призраком тягаться не намерен,
а угоразди в кои веки раз
прозреть, и сразу — баста! хватит с нас.

Я горожанин. Я оттуда родом,
где флора приживается с трудом,
где легче подрубить под корень дом,
чем легкие наполнить кислородом.

А ты в сосновом выросла бору
под незапятнанным небесным сводом,
где воздух пахнет хмелем или медом, —
и городу пришлась не ко двору.

Ты выбрала пространство не по росту
и время не по возрасту... Заря,
вгоняя в краску белую бересту,
себя перемогала втихаря,
когда не Сирину, так Алконосту
приснилась ты в дупле календаря.

Четвертый час. Садовое кольцо
как вымерло. Не видно ни машины
и ни души. Метель метет в лицо
и лепит улицы из белой глины.

А ветру впору на юру былины
в бараний рог сгибать богатыря,
а мы загнемся, грубо говоря,
скорей, чем путь пройдем до половины.

Но возвращаться, чтобы ждать шести
иль вызывать такси по телефону
(— Который час? — Четвертый...), нет резону.
Заказаны обратные пути,
и в комнату мою тебе войти
трудней, чем беглецу вернуться в зону.

А для того чтоб сочинить сонет,
ему вполне — по молодости лет —
достаточно нечаянного слова
и непочатой пачки сигарет,—
был только тем и удручен поэт,
что вечно нет того или другого.

Но вот сердечных смут простыл и след,
былых подруг угомонили дети.
Он не в обиде, но и не в ответе.
Чего в житейском море только нет,
но по весне не стоит ставить сети,
и для беседы это не предмет
по осени, когда последний свет
сойдется клином на его сонете.

воим ушам поверить еле смею!
Досадуя на то, что разговор
не клеится, вздохнула: «До сих пор
я помню в парке каждую аллею,
скамейку и акацию за нею,—
неопалимый этот реквизит
уже который год огнем горит
над скаредною памятью моею.

А за помин истории банальной:
любил одну, женился на другой,—
ступай в буфет на площади вокзальной
и в этот город больше ни ногой,
чтобы не застить этакой каргой
ту девочку из школы музыкальной».

В порядок привела мою берлогу
и выскоблила утварь добела,
как будто на алгол¹ перевела
Вергилия четвертую эклогу.

Час не ровен, привыкну понемногу —
и плакали мои колокола:
— Ну вот и хорошо... И слава богу...—
на пажити медвежьего угла.

А поперек и слова не скажу,
все любо-дорого и шито-крыто.
Но скобяным фигурам Лиссажу²
недостает живого колорита
и глубины разбитого корыта,
в котором я черновики держу.

---

¹ Алгол — алгоритмический язык для программирования на вычислительных машинах.

² Фигура Лиссажу — замкнутая аналитическая кривая.

А среди ночи скрипнет половица
и высветится книга, а над ней
натура обнаженная склонится —
и будет сниться до скончанья дней.

Поправит прядь, прошелестит страницей
и тенью шевельнет на полотне...
Но вот роман захлопывает: «Мне
отмщение и аз воздам». Сторицей.

И снова настезь отворяет дверцу,
перебирает книги по одной
и, доставая том очередной,
мне поверяет, как единоверцу,
что принимала слишком близко к сердцу
когда-то книгу о жене дурной.

||
| у вот и все. И кончено. И для
| чего теперь торчат перед глазами
и горла поперек. Finita la
commedia, приступим к мелодраме.

— Быть может, мы останемся друзьями?

— Еще чего! Уже на ноте «ля»
раздавлена воспоминанья тля,
и все подробности в помойной яме.

Мне только бы перемахнуть между
отчаянья, а сдавленные вопли
каким угодно ямбом изложу
кому невесть, и засуха, потоп ли —
там видно будет... Муза, вытри сопли
и кофию хлебни для куражу.

И
агляднее глагола не найду
и повторю: юродствует дорога,
и облако, похожее на бога,
плетется у нее на поводу.

Попутный ветер мелет ерунду,
но солнце высоко. И время строго.
И все-таки помедли у порога,
пока из виду я не пропаду.

А я перевалю за перевал,
сойду на нет за первым поворотом..
Развязку разыграем как по нотам:
каденция — и в памяти провал,
и нечего артачиться, чего там! —
я в мире Вашем сроду не бывал.

|| о милости календаря
нам выпала награда —
сиятельного сентября
последняя декада.

Потом опять пошли дожди,
дурные дни настали,
мы очутились посреди
пространства цвета стали.

Входило время в колею,
как после половодья...
Но, расставаясь на краю
панельного угодья,

где эка невидаль — едва ль
на вящие мученья,
мы испытали не печаль,
а чувство облегченья.

Хотя и слушать не хочу,
она нашла причину:
удача нам не по плечу
и счастье — не по чину.

О. М.

Н е случилось ничего, кроме
одиначества в чужом доме.
Непомерны все дары свыше,
если прямо из дыры в крыше.

А на свете, как на грех, слякоть,
дело к вечеру, и крыть нечем...
Обметала мне язык мякоть
опрометчивой прямой речи.

Снова имя на губах тает,
снова милостыни кисть просит.
Разве только пустельга знает,
где любимую мою носит.

А во тьме кромешной на ощупь —
стоит сердцу только дать волю —
попадаешь словно кур в ощиц
и братаешься с любой болью.

Делодохлое — искать выход,
но неведомо в каком счете,
даже если это так, прихоть,
мы пригубили ее плоти...

уворовский необитаем
и Гоголевский нелюдим,
а мы идем, куда глядим,
в клубах дыхания витаем,
смакуем отрочества дым,
и путь наш исповедим.

Перемежаются свиданья
и расставанья у дверей,
и в хороводе фонарей
потери самообладанья,—
пока не поздно, обогрей
озябшие воспоминанья
в ночном подъезде мирозданья
на твердых ребрах батарей.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Т ак долго играла пластинка,
как будто не видели мы,
что сходятся для поединка
исчадия света и тьмы;

и сызнова ставя над краем
сознания стальную иглу,
не ведали, что проиграем
взаимную эту игру;

что в судорожной светотени
пошла врукопашную тьма,
и свет преклоняет колени,
а музыка сводит с ума.

И я позабыл совершенно,
как только взошла тишина,
что женщина несовершенна,
а битва не завершена...

Свели нас нечистая сила
и расположение светил,—
но ты меня так не любила,
как больше никто не любил.

И
рахом пошло и растаяло,
как на ладони снежинка,
все, что томило и маяло,
важенка, неженка, жинка.
Гнали тебя, словно беженку
по миру из дому к дому,—
по бездорожью, валежнику,
гравию и бурелому.
Вякали, тюкали, тыкали...
Я ли не знаю, что это
значит: в ночи, где хоть выколи
глаз, дожидаться рассвета.
Если во тьме от уныния
что и спасало порою,
то восходящая линия
зарева не за горою...
В лапы счастливого случая
загнаны шалой судьбою
и сведены как созвучия
мы воедино с тобою.
А на краю неизбежности
нам ничего и не надо,
кроме надежды и нежности
и безмятежного взгляда.

* * *

Когда во тьме крошечной
я все, что на роду
написано, на грешный
язык переведу, —
исход весьма банален,
досада сердце жжет:
непрофессионален
подстрочный перевод.

Какие ни чини —
сквозь все препоны
просвечивают дни
и ночи оны.

Околица сельца,
гуртом — ракиты...
Прекрасного лица
черты размыты.

Откуда ни возьмись
возник Возничий —
и высунулась высь
на посвист птичий.

Но выморочен свет,
а звук так робок,—
того гляди, на нет
сойдут бок о бок.

Окутывает сон,
как полость козья.
С поземкой в унисон
зудят полозья.

А что там на уме
у дальней дали —
помстится лишь во тьме,
и то едва ли...

(Цветочная пыльца
летит на плиты.
Прекрасного лица
черты размыты.)

Досады не снесу,
с того и взвою,
что тихо, как в лесу
перед грозью.

До приключений не охоч,
но неразличима крыша дома,
под которой скоротали ночь,
а тропа узка и незнакома.

И не то меня уводит прочь,
то ли мной на поводу ведома
женщина, идущая обочь,
вспыхивающая как солома.

Пожили почти что в шалаше,
побывали чуть ли не в раю,
а из пригородной электрички,
точно из чистилища душе,
скатертью дорога — в Верею,
восвояси, к черту на кулички...

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Как живется вам с земною
Женщиною, без шестых
Чувств?..

Марина Цветаева

Хоть и смахивает стих
на обетованный берег,
с женщиною без шестых
чувств живется без истерик,

без конвульсий и гримас,
судорог и катавасий,
выставленных напоказ,
выписанных на левкасе...

Неизвестно, что за круг
отведен в аду у Данта
приносившим друга друг
в жертву идолу таланта.

Невеликодушен жест,
но живется, право слово,
с женщиною без божеств
как за пазухой Христовой.

...Хоть и набивают пять
первородных чувств оскому,
не пристало их шпынять
совершенному шестому,

потому что, если речь
не о том, какого рода
бремя сбрасывает с плеч
взявшая свое природа,

по завязку и пяти
чувств хватает бедолагам,
чтобы по миру идти
бережным и нежным шагом...

(Может статься, в том и суть,
чтобы через пень-колоду
эту канитель тянуть
добродетели в угоду.

Строя храмы на любви,
а не на крови любимых,—
как душою ни криви,
все едино не щадим их.)

Повторяю — и пяти
чувств достаточно с лихвою,
чтобы поле перейти
и войти в листву и хвою.

...Что касается земной
женщины, то, зная не зная
никакой судьбы иной,
нежели стезя земная,

не за участь, а за честь
почитаю честь по чести
жизнь прожить и век провести
с этой женщиною вместе...

Сколько спеси — не сочти
за попрек — в твоём контрасте.
...Словом, счастливы. Почти.
А несчастливы отчасти.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ДОЖДЬ

ложи с дождем, на жимолость умножь,
а уж потом дели на что попало,—
и обнаружишь, прежде чем уйдешь,
что легче нам от этого не стало.

В остервенелой дождевой воде
как некогда промокшие до нитки,
мы очутились неизвестно где —
рукой подать до чайника на плитке.

Не то чулан, не то полуподвал,
запущенная чья-то мастерская...
Здесь бознать кто дневал и ночевал,
прекрасное со стапелей спуска.

Остудю тянуло из угла,
и было неповадно, а бывало —
опаловая женщина спала
на палевом полу полуподвала.

Рассохся и растрескался настил,
истлела ткань, служившая портьерой,
и ветер с севера разворотил
дыру в окне, забитую фанерой.

Кому охота, довообразит
своеобразные аксессуары
и неискоренимый реквизит
здесь обретавшейся счастливой пары.

В далекую крутую пору ту
нам в одиночку было бы не выжить,
но вспоминать о ней не вмоготу,
слезы — и той из железы не выжать.

Вот разве только дождик обложной,
снующий по бетону и металлу,
под стать беседе с бывшею женой,
отчаянно любимой поначалу.

И, взглядом по развалинам скользя,
досадую, хоть жги меня, хоть режь-де,
здесь ничего уже узнать нельзя,
и только дождь такой же, как и прежде.

Да тех же самых веток в глубине
оконного проема мельтешенье...
В конце концов, тебя учить не мне,
как ближнего вводить во искушение.

Но нашей жизни здесь простыл и след,
а беса тешить, прочего помимо,
простительно по молодости лет,
а нам уже насилу выносимо.

Поистине спасибо и на том,
что в памяти от передряг и тягот
остался только куст перед окном,
покрытый крупной рябью волчьих ягод.

Как канатоходец по канату,
я иду по старому Арбату,
у белиберды на поводу
я иду и ухом не веду.

Ни единым словом не перечу
девочке, шагающей навстречу,
у которой встреча не со мной
на Смоленской площади Сенной.

Стало быть, иду и в ус не дую.
Просадил я молодость впустую
в этих достопамятных и стах
столь же примечательных местах

Понапрасну теплится и мнится
околесица и небылица,
удали и невидали след
на исходе трех десятков лет.

Вот и околачиваюсь здесь я,
чтобы не утратить равновесья,
а не то нырну в дыру двора —
и не через час, так полтора

попаду, всего скорее, снова
в Ясенево либо Бирюлево,
по которым сколько ни броди —
не на что позариться, поди,

памяти... Зато повергнут сразу
в состоянье, близкое к экстазу,
дюжие жилые этажи.

А поди попробуй, предложи

первой встречной жизни половину
и на среднерусскую равнину
широко открытое окно,
скажет — спятил. То-то и оно.

НА ЭТЮДЫ

Миновали огороды, скотный двор,
обогнули край пожарного сарая,—
от исконной панорамы с коих пор
я отрезан, как ломоть от каравая.

Открывает мне попутчица глаза,
но таращиться на здешние красоты,
словно коллекционер на образа,—
не испытываю никакой охоты.

Уроженец среднерусской полосы,
не стяжаю в окружающем пейзаже
я ни прелести особой, ни красы
и на это не рассчитываю даже.

За язык меня не тянет как-никак,
тем не менее возьми да и сморози:
— Это самый заурядный буерак,
отчего бы здесь и не расти березе.

А печальное стечение тонов —
светло-серого и бледно-голубого —
если на слово поверить не готов,
не изысканнее всякого другого...

Но и спутница, вестимо, не проста,
надо думать, не премину лицезреть я
белокаменную церковь без креста
середины позапрошлого столетья.

В лучшем случае, прикинусь дурачком
или выберу дорогу поокольней,
потому что не в бирюльки, а в очко
пацаном играл на этой колокольне.

Стала юность на помине тяжела...
Но внезапно натянулась пуповина
у погоста за околицей села
там, где прадеды сомкнулись воедино.

Значит, в целости связующая нить!
Но кому-кому, а нам, в конечном счете,
нипочем со стороны не оценить
то, чего мы кость от кости, плоть от плоти

И недаром посреди родных лугов
на измученной проселочной дороге
свежим ветром с черноморских берегов
потянуло от этюда на треноге.

СОДЕРЖАНИЕ

I

«Плашмя на каменной плите...»	3
Маршрут	4
«С переломанною ключицей...»	5
«Смеркается. Не разобрать...»	6
Шурф	7
«Неузнаваемо дика...»	8
Вечер	9
Пригород	10
«В сердце трепет, в горле клекот...»	11
«Ты где, любимая, была...»	12
«А я-то думал: ты да я...»	13
Разлука	14
«Настанет день — и времени не станет...»	15
О с е н ь	
I. «Две недели шли дожди...»	16
II. «Захолустные места»	18
«Любую строчку мы, как правило...»	19
«Небеса пространны, помысли просты...»	20
Стихи на случай	21
Зима	22
«Поеживаясь от озноба...»	23
Цитата	24

II

В шестом часу утра (<i>Малый сонетный свод</i>)	25
«Не спать, а просыпаться постепенно...»	34
«Пелена за оконной рамой...»	35
«Он откуда родом...»	36
«На улице метель мела...»	37
«Когда слова пойдут на лад...»	38
«Следовать завету...»	39

«На меня не сетуй...»	40
«Облака пришли в упадок...»	41
«Как мысли о юдоли и уделе...»	42
«В сумрачной пучине речи...»	43
«Когда-нибудь придет и твой черед...»	44
Канун	46
«Не стихает суматоха...»	48
Кинематограф (<i>Стансы</i>)	49
«По глупости ли, сгоряча ли...»	54
«Со сверстниками, как на грех...»	55

III

Триптих	56
«Ломаешь голову — с какой...»	60
«Не я ли норовил...»	61
Сонетный свод	62
«По милости календаря...»	76
«Не случилось ничего, кроме...»	77
«Суворовский необитаем...»	78
Посвящение	79
«Прахом пошло и растяло...»	80
«Когда во тьме кромешной...»	81
«Какие ни чини...»	82
«Я до приключений не охоч...»	84
Точка зрения	85
Возвращение в дождь	88
«Как канатоходец по канату...»	90
На этюды	92

*Алексей Алексеевич
Королев*

ЗЕНИЦА ОКА

М., «Советский писатель», 1980, 96 стр.
План выпуска 1980 г. № 174

Редактор *В. С. Фогельсон*
Худож. редактор *В. В. Медведев*
Техн. редактор *Е. П. Румянцева*
Корректор *Б. Ш. Котт*

ИБ № 2005

Сдано в набор 21.11.79. Подписано к печати 12.03.80.
А 10206. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 4,2. Уч.-изд. л. 2,44. Тираж 10 000 экз. Заказ № 1033. Цена 25 коп. Издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11. Тульская типография Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Тула, проспект Леннина, 109

25 коп.

